

БОРИС КЛЮЧНИКОВ

ЗАКАТ ЕВРОСОЮЗА?

*Если Царство разделится само в себе,
Не может устоять царство то.*

(Мрк. 3—34)

...Родился в Риме весной 1957 года, скончался весной 2011 года в итальянском местечке Вентимилья... Так писала европейская пресса о Евросоюзе, драматически комментируя решение правительства Франции не пропускать поезда из Италии через французскую границу. Эти поезда везли тысячи людей из стран Магриба. Париж отказался их принять, Евросоюз, ссылаясь на права человека, настаивал. В ответ французское правительство потребовало временно приостановить действия шенгенского соглашения о безвизовом перемещении людей в ЕС. Французы ссылаются на быстро растущее в стране мусульманское население, исчисляемое то ли 6, то ли 8 миллионами. Многие из них прибыли во Францию нелегально и растворились в мусульманских общинах.

На границе скопились десятки тысяч переселенцев – гастарбайтеров из стран южнее Сахары. Они подрабатывали и в сравнительно спокойном Тунисе, и в зажиточной Ливии, пока не грянула “арабская весна” и не начались массовые бомбовые и ракетные удары НАТО по Ливии.

Борцы за права человека украсили поезда с беженцами плакатами, лозунгами, назвали их “поездами чести”. Но французские власти оказались непреклонны. Итальянцы были в отчаянии! Они ведь действовали согласно требованиям Брюсселя. Правительство Греции, Мальты, Кипра, Хорватии тоже хотят закрыться, тоже просят помощи у Евросоюза. Но что могут сделать бюрократы в Брюсселе? И в Северной и в Южной Европе понимают, что давление миграционных потоков будет возрастать, а накатывающиеся волны между странами-членами Европейского Союза учащаться. В решении этой проблемы нет никакой солидарности. Союз разделился сам в себе. Легковесные констатации, что Евросоюз умер на итало-французской границе, конечно, метафора, но символическая, а возможно – пророческая. Конечно, ЕС проживёт ещё некоторое время, но он будет, согласно оценкам экспертов, всё чаще и всё болезненнее испытывать новые потрясения, новые кризисы. *Никогда ещё великая идея европейского единства не сталкивалась с таким количеством разноплановых, смертельно опасных вызовов!*

Впрочем, дело не только в них, но и во внутренних дефектах, заложенных в конструкцию Евросоюза. Английская пресса ещё десять лет назад сообщила, что американское правительство рассекретило ряд документов относи-

тельно того, кем и по чьим лекалам создавался Евросоюз. Эти документы “доказывают, что сообщество американских секретных служб в 50-е – 60-е годы вело кампанию, направленную на объединение Европы. Лидеры общеевропейского движения Ретингер, Шуман, бельгийский министр Спаак финансировались Американским комитетом за Единую Европу. Комитет получал деньги из фондов Рокфеллера и Форда. За ними в свою очередь стояло Центральное разведывательное управление США¹. Французские исследователи, изучив эти документы, пришли к выводу, что “отцом Европы” был не вознесённый на Олимп Роберт Шуман, а госсекретарь США Дин Ачесон. Он пригласил Шумана в Вашингтон, где поставил задачу – подумать о будущем Германии и Европы”. 9 мая 1950 г. была опубликована “Декларация Шумана”, о которой французские исследователи пишут: “Она была сотворена американцами и для американцев”².

Казалось бы, зачем было Вашингтону создавать себе противовес – объединённую Европу? Считаю, что Шуман, “человек без воображения”, даже не понял конечный замысел Вашингтона. А замысел состоял в том, чтобы нейтрализовать государства Европы, делая их всё более взаимозависимыми и многочисленными, до полного абсурда, нечто вроде Вавилонской башни, абсолютно неуправляемой в силу непримиримых антагонизмов национальных интересов³.

Возможно, этот коварный замысел не понял Шуман, но его выявил гениальный Шарль де Голль. На пресс-конференции в Елисейском дворце 15 мая 1962 г. он называл федеративную Европу “самоблокирующим ансамблем”, в котором Вашингтон может стать “внешним федератором”. Он считал абсурдом требовать под каждым документом шесть подписей. Теперь, после нескольких волн расширения ЕС, их требуется почти в пять раз больше! Некоторые европейские учёные так характеризуют Евросоюз: “То, что мы видим в 2010 году, никоим образом не является ни братством, ни христианством, которые символизирует имя Роберта Шумана. Всё это похоже на американскую колонию, основанную исключительно на культе Короля-Деньги (*l'argent Roi*), на свободе торговли, короче, на самом циничном, на самом безнадёжном материализме”⁴.

Прошло полвека, и ныне миллионам европейцев становится ясным, что дело не ладится. Оно и не могло сладиться, как и у ветхозаветных строителей Вавилонской башни, потуги которых оказались не угодными Богу. И решил Господь: “Сойдём же, и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого” (Быт., 11–7).

*И вот по Европе бродит новый призрак, на этот раз призрак национализма, национализма бескомпромиссного, авторитарного*⁵. Европейцы, в первую очередь средний класс, видят, как убывает их благосостояние, как из-за инфляции тают их сбережения, как снижается социальная защита, как безрадостны перспективы их детей в обществе, где растёт безработица и плата за образование, где их вековая национальная культура растворяется в массовой космополитической культуре, потоки которой обильно изливаются из-за океана.

Ко всем этим неурядицам добавляется исламский фактор. Мусульманские общины растут как грибы, в них много тех, кто симпатизирует исламистам и террористам. Особенно пугает европейского обывателя быстрый демографический рост среди европейских мусульман.

Средства массовой информации пестрят пессимистическими прогнозами. Некий Поль Вестон в статье “Неизбежна ли к 2025 году гражданская война в Европе” пишет: “Если бы 20 лет тому назад люди стали рассуждать о том, что начнётся гражданская война в Евросоюзе, которая по жертвам будет страшнее Второй мировой войны, их сочли бы сумасшедшими. Но согласно демографическим данным в 2005 г. коренные европейские мужчины призывного возраста (20–40 лет) были в соотношении 18 к 1 мусульманину.

¹ The Daily Telegraph, 19 September, 2000.

² www.U-P-R.fr, François Asselineau et UPR.

³ Ibidem.

⁴ www.Reth-schuman/index.html. Robert Schuman – père de l'Europe ou saint en veston, par François Roth.

⁵ World Web Site. La resurgence du nationalisme dans l'Union Européenne, par Stephen Steinberg. 22. Dec. 2010.

К 2025 году это соотношение упадёт до 2 к 1, то есть 44,6 млн молодых европейцев в Евросоюзе будут противостоять 22,1 млн молодых мусульманских мужчин... Но Турция может подослать ещё 12 млн солдат⁶.

Исламистские провокаторы подливают масла в огонь, указывают на статистику абортс среди европейцев, насмеваются: “Не хотите растить своих детей, скоро заставим вас нянчить наших”.

А бюрократы в Евросоюзе настаивают, что надо продолжать мирно, терпеливо интегрировать мусульманские общины в европейское общество, надо неспешно европеизировать ислам, поддерживать смешанные браки, смешение культур, мультикультурализм. Но европейцы видят, что такая политика вредна, что в городах, особенно в пригородах, прорастает новое, чуждое им мусульманское общество. Чем сильнее и многочисленнее оно становится, тем чаще возникают конфликты. СМИ повторяют: Франция превращается во Франкостан, Австрия и Германия отуречиваются. Беспорядки в Берлине и в Лондоне, вспыхнувшие нынешним летом в основном в иммигрантской среде, показали: в этих утверждениях есть рациональное зерно.

В массовом сознании множатся стереотипы отчуждения – “мы и они”. Они против нашего образа жизни, рядом жить мы не сможем. Растёт исламофобия, чреватая дальнейшей конфронтацией.

Среди этих страхов и неуверенности в будущем в обществе рождается жажда сильной руки, вождя, харизматического национального лидера, который должен править, не оглядываясь на бессмысленные выборы, на либералов-демагогов, на дряблые парламенты, утопающие в болтовне.

Особенно непопулярными становятся наднациональные европейские структуры, обосновавшиеся в Брюсселе, пожирающие огромные средства, вечно мечущиеся, претенциозные и неэффективные, а порой просто вредоносные. В такой обстановке старые либеральные проамериканские правители начали сдавать позиции. Отказ от таких программ, как мультикультурализм, уже не спасает их. *На смену выходят новые элиты, провозглашающие популистские лозунги и программы. Их социальная опора широка и устойчива.* Формирование новых националистических элит подпитывают и системные силы⁷. Всё большее число европейских банков и корпораций, которые уже многие годы ведут подпольную экономическую войну с США, приходят к выводу, что им более не по пути со слабеющей Америкой, что надо прислушиваться к нарастающему недовольству собственных народов.

Член правления центрального банка Германии Тило Заррацин опубликовал книгу “Самоликвидация Германии”, ставшую бестселлером. Он утверждает: “В культурном и цивилизационном аспекте их (мусульман. – **Б. К.**) система ценностей и представлений об устройстве общества является шагом назад. В глазах европейцев это подтверждается данными опросов, таких, например, как опрос, проведённый в 2010 году среди сравнительно образованных египтян: 85% поддержат теократию, то есть усиление влияния ислама в политике; 85% за то, чтобы казнить отступников от ислама; 82% за то, чтобы побивать камнями неверных жён; 77% за то, чтобы вора́м отрубали руки; более 50% за то, чтобы строго запрещать женщинам работать совместно с чужими мужчинами; 54% оправдывают террористов-самоубийц; 82% египтян отрицательно относятся к США и Европе”.

В свете таких опросов, две трети немцев согласны с Заррацином, который высказывает то, что на душе не только у немцев, но и у французов, у итальянцев, даже у либеральных англичан, у всех европейских патриотов: “Я не хотел бы, чтобы ритм жизни задавали призывы муэдзина с минарета”.

* * *

В накаляющейся обстановке практически во всех странах Евросоюза отмечается быстрый рост и распространение влияния правых партий, в том числе тех, которые принято называть неонацистскими, профашистскими, расистскими. Они перестают быть маргиналами, экзотическими группами экстремистов, оторванными от реалий политической обстановки. Они “перелицовываются”,

⁶ www. Gates of Vienna.

⁷ Radical Right Wing Populisms in the Western World, ed. By J. Rydgreen. NY, 2005.

отбрасывают показной экстремизм, отказываются от нацистской символики, от каких-либо связей с фашистской идеологией. Трудно судить, насколько это искренне. В своих программах новые правые делают упор на защиту национальной идентичности, на сохранение национальной культуры, традиций, устоявшихся национальных жизненных ценностей.

Поддержка новых националистов становится настолько массовой, что их партии вполне обоснованно можно называть популистскими. Их лидеры, сравнительно молодые сорокалетние политики, успешно теснят старую атлантистскую гвардию, всё ещё находящуюся у власти. Многие правящие партии вынуждены лавировать, перехватывать лозунги, программы, требования националистов. Но они обычно оказываются лишь бледной копией того, чего ждут и что обещают новые националисты. Ни одно правительство не посмеет, например, так жёстко критиковать великую религию Мухаммеда.

Мир ислама ныне находится в стадии пассионарного подъёма. Реально мыслящие политики по обе стороны океана ищут взаимодействия с умеренным исламом. А европейские националисты внушают избирателям, что никакого умеренного, а тем более европеизированного ислама не может быть в принципе. Они выискивают в Коране изречения – айяты о превосходстве ислама над другими религиями, о распространении шариата на весь мир.

В Нидерландах появился пятиминутный фильм “Фитна” с изречениями из Корана, вырванными из контекста. Его смотрят миллионы и проникаются убеждением, что ислам не религия, а тоталитарный культ, что в нём нет места свободе и демократии, что европейцы никогда не смогут ужиться с мусульманами. Европейцев убеждают, что ислам стремится к мировому господству, к всемирному халифату, где немусульманам уготована участь людей второго сорта, что с них будут взимать более высокие налоги, заставят уступать мусульманину место, не позволят носить оружие.

В свою очередь радикальные исламисты учат, что каждый мусульманин должен бороться за то, чтобы мир жил по законам шариата. Он обязан отдавать этой борьбе всё – время, деньги и, если понадобится – сражаться с оружием в руках против неверных. Ислам, – учат они, – означает покорность, и весь мир должен покориться Аллаху. Аллах Акбар!

В такой обстановке возникают разнообразные общественные организации типа “Контрджихад”, “Коалиция борцов за права человека против радикального ислама” и др. Правительства мечутся в поисках компромисса, пытаются убедить европейцев, что ислам мирная религия.

Но националисты приводят исторические и современные факты агрессивности ислама: все границы, соседствующие с исламом, действительно кровоточат.

В ответ мусульмане заявляют, например, следующее: “Белый человек, ты должен заплатить за сотни лет колониализма... Когда твои предки пришли на мой континент, то они захватывали моих предков и продавали их в рабство. Их никто не звал, они тоже были нелегалами, но гордо называли себя исследователями. Вот и мы явились на ваш континент, чтобы исследовать вашу справедливость... я лично вернулся бы на мой континент, если бы вы оставили нас в покое, если бы дали нам возможность сохранять нашу уникальную политическую систему”⁸.

Европейцы бьют тревогу. Широкое распространение получила “формула”: как только число мирных мусульман среди населения начинает превышать 10%, они перестают быть мирными и стремятся господствовать над иноверцами. В США опубликовали данные о всемирном джихаде: за последнее десятилетие исламистские террористы по всему свету убили 16 889 человек. Только за неделю с 19 февраля по 26 февраля 2011 г. джихадисты в 26 терактах убили 181 человека и 310 тяжело ранили. Растёт также и этнический бандитизм. Не удивительно, что европейцы начинают видеть в националистах решительных борцов, способных покончить со страусиной политикой либеральных правительств. Как видим, и та, и другая сторона считают, что правда и справедливость на их стороне, и не хотят мирно жить рядом. И националисты, и джихадисты готовятся к открытой грандиозной схватке. Правительства и бюрократы Евросоюза оказываются зажатыми между ними и неубедительно, беспомощно призывают к миру и дружбе.

⁸ David Ellerton. Nitsche and the Revenge of the Non-Whites. <http://www.theological.se/32372/20110303/>.

Опираясь на голоса избирателей, националисты добились заметного представительства в парламентах Австрии, Италии, Дании, Швеции, Болгарии, Венгрии, Финляндии, Словении. Они входят в состав правительств в Нидерландах, в Дании и Италии. Премьер-министр Италии Берлускони из каждого кризиса выходит победителем благодаря поддержке Северной Лиги, ещё недавно открыто профашистской, а ныне перестроившейся на националистической консерватизм.

Было бы серьёзной геополитической ошибкой недооценивать силу и влияние националистических партий. Ещё более грубой ошибкой было бы не видеть, что партии эти очень разные. В их программах есть не более трёх объединяющих доктрин (*corpus doctrinal*). Это, во-первых, национализм, у большинства – с разной дозировкой ксенофобии. Во-вторых, требование немедленно прекратить иммиграцию. И, в-третьих, лозунг выхода из Евросоюза. В других крупных политических вопросах националисты не только расходятся, но часто враждуют между собой.

Многие, но далеко не все, требуют распустить НАТО и покончить с гегемонией США в Европе. Многие – но не все – искренне отказались от враждебности к Израилю. Израильской дипломатии удалось наладить союзнические отношения с большинством националистических партий Европы. 35 лидеров этих партий были приглашены в конце 2010 года в Израиль и заседали в ложе почёта в кнессете. Среди них много недавних бескомпромиссных антисемитов.

Лидер “Партии Свободы Австрии” сорокалетний Гейнц Христиан Штрахе (Strache) был среди тех, кто заседал в кнессете. Штрахе ведёт борьбу и выигрывает выборы под популярным лозунгом “Отстоим Запад для христиан”. Докладывая в парламенте о поездке в Израиль, он призвал искать реальные пути разделения и примирения между палестинцами и израильянами. Штрахе резко критиковал близорукость и беспомощность Евросоюза за пограние европейских интересов в Косово, ставшего исламистским криминальным анклавом вблизи Австрии. Он призывает выйти из Евросоюза, изгнать “новых турецких захватчиков”, а заодно чеченцев и цыган, наводнивших уютную Австрию. На выборах в городское собрание Вены в 2010 года партия Штрахе заняла второе место. Эта крупная победа в столице досталась националистам несмотря на то, что влиятельная в стране католическая церковь пока воздерживается от прямого сотрудничества с ними.

В странах Восточной Европы сильны откровенно профашистские партии в Венгрии: хортисты, набравшие на выборах в парламент 16% голосов, в Хорватии – сторонники гитлеровского союзника Анте Павлича.

Националистам не удалось договориться, выступить единой группой партий на выборах в Европарламент. Большинство экспертов считают, что они пока не могут на выборах взять власть. Кроме двух, возможно, трёх партий, таких, как Национальный фронт Франции и партии Свободы в Нидерландах и Австрии.

Вместе с тем едва ли среди десятков националистических партий Евросоюза есть две другие, которые бы отличались так резко и явно, как партия Свободы Нидерландов и Национальный фронт Франции. Они, можно сказать, олицетворяют два главных течения, две ветви нового популистского национализма. Остановлюсь поэтому на их программах и деятельности несколько подробнее.

* * *

Партия Свободы в такой ультралиберальной стране, как Нидерланды, добилась на выборах решительного прорыва. В марте 2010 года она заняла третье место, нанесла поражение либералам, которые вынуждены были пригласить националистов в правительство и отдать им важнейшие министерства. Партию возглавляет Герт Вильдерс (Geert Wilders). Благодаря мировым СМИ он быстро стал известен на Западе. Герт Вильдерс олицетворяет партию, как у нас В. В. Жириновский. В ней не видно ни других лидеров, ни самих партийцев.

Вильдерс победил на выборах, получив известность в результате упора на исламофобию. Он выступает за принудительную депортацию мусульман из Европы в те страны, откуда они или их родители пришли. Всех их он считает

“зелёной пятой колонной”, которая ударит в спину “иудеохристианской” цивилизации Евросоюза. Его программа исходит из неизбежности столкновения цивилизаций, потому что ислам для партии Свободы – это неонацизм; “Братья-мусульмане”, рвущиеся к власти в Египте, Сирии, Ливии, Судане, Турции, были союзниками Гитлера. Коран – это новый “Майн кампф”, да и вообще религия Мухаммеда – тоталитарный культ, который не совместим ни со свободой, ни с демократией.

Партия Свободы стоит на страже атлантической солидарности. Она за прочный союз с Америкой, особенно с неоконсервативным крылом её истеблишмента. Сам Вильдерс – последовательный сторонник и защитник Израиля, “дарованного Всевышним еврейскому народу за шесть миллионов жертв, холокоста”. Г. Вильдерс за последние 25 лет 40 раз посещал Израиль, восхищается его достижениями, называет его “колыбелью западной цивилизации”, борьбу израильтян с арабами – первой линией европейской обороны. Его лозунг – “Израиль уже воюет за нас”. Он призывает Запад к новым крестовым походам.

Можно ли представить градус ненависти, который вызывает Вильдерс у мусульман?⁹ Естественно, он должен находиться 24 часа в сутки под усиленной охраной. Напротив, среди неоконсерваторов Вильдерс получил беспрецедентную и безусловную поддержку. О желании сотрудничества с ним высказались влиятельные в США политики, такие как Даниэль Пайп, Дэвид Хоровитц и прочие неокконы, а главное – мощная организация Республиканская еврейская коалиция.

Отношение к исламу в США – тема крайне сложная. Она присутствует в программах многих общественных организаций этой страны, ставшей, по Евангелию, “домом, разделившимся в самом себе”. Несмотря на жертвы теракта 11 сентября в США даже националисты осуждали исламофобию в Европе. В стране 7–9 млн мусульман, то есть не более 3%, и они сравнительно быстро интегрируются в американском “плавильном котле” наций. Коренная трудовая “одноэтажная” Америка ещё верна христианским заповедям, и на любых выборах для тихого американца важны три темы: Бог, владение оружием и неприятие гомосексуализма как содомии. Но у правящей “многоэтажной” Америки противоположные установки: ей не нужен христианский Бог; для неё опасно оружие в руках народа; она добивается полного равноправия гомосексуалистов. В трудовой Америке уважение к мусульманам объясняется тем, что они тоже верят в своего Аллаха и потому тоже считают, что содомиты подрывают здоровье общества. Это отношение к мусульманам и к исламу в гуще американского народа существенно не изменилось даже после 11 сентября 2001 г. Это взвешенное, разумное отношение к мусульманству среди коренных американцев совпадает с новым курсом президента Барака Обамы, который пытается возродить старую, проверенную временем британскую имперскую стратегию – “никогда не ссориться с исламом”, а если удастся, то оседлать его нынешнюю пассионарность. Для Обамы это, конечно, крайне “тесные врата”, потому что вопрос о безусловной поддержке Израиля был для всех президентов США, после президента Никсона, важнейшим вопросом не только внешней, но и внутренней политики. Отступление от этой политики чревато для властей печальными последствиями.

Под влиянием СМИ отношение американцев к мусульманству с лета 2010 года стало меняться к худшему. Им ежедневно преподносятся факты исламского террора, повторяют, что 75% всех мечетей в США находятся под влиянием ваххабитов и паломников, совершивших хадж в Саудовскую Аравию. Приводятся подсчёты, что даже если среди 7–9 млн мусульман, проживающих в США, только 2–3% являются ваххабитами, то это уже десятки тысяч потенциальных террористов, что радикальные исламисты господствуют в коранических школах и отравляют сознание умеренных мусульман.

Американцы действительно недоумевают, когда в университетах проводятся, например, конференции на тему “Конструктивная роль исламского права – шариата в западном обществе”. Затем им сообщают, что Ассоциация мусульманских студентов-правоведов и их профессор г-жа Асифа Кураиши (Asifa Quraishi) предлагают властям не откладывать введение в американскую судебную систему “местных мусульманских трибуналов”¹⁰, то есть создавать

⁹ Об этом см. мусульманский сайт <http://resistance.musulmane.overblog.com>.

параллельную систему шариатских судов. Это и другие подобные требования некоторых мусульманских активистов, конечно, никогда не будут властями даже рассматриваться, ибо они антиконституционны. Но даже само их провозглашение представляется американцам серьезной угрозой устоям государства и общества.

Американцев возмущает, что государственный секретарь Хилари Клинтон включила профессора Асифу Кураиши в делегацию США в Комиссии ООН по статусу женщин в обществе. Пресса причислила её за это к числу “полезных для исламистов идиотов”. Примиренческие акции властей дали повод СМИ провести мощную кампанию по разоблачению “изуверских” норм шариата, в частности, по отношению к женщинам.

Примиренчество властей объясняется стратегической задачей Вашингтона перекроить карту Ближнего Востока, поставить под контроль США его энергетические ресурсы. Карта арабских революций, между прочим, полностью совпадает с проектом “Большого Ближнего Востока” неоконцов, разработанным ещё при президенте Дж. Буше. В первую очередь ставится задача разрушить последние очаги арабского социализма. Поэтому особенно большая помощь оказывается повстанцам в Ливии и в Сирии. Устраняют от власти таких правителей, как египетский и йеменский президенты. Они, погрязнув в коррупции, стали менее управляемыми. С помощью Саудовских вооруженных сил жестоко подавляют восстание в Бахрейне. Там находятся главная военноморская база и командование США в Персидском заливе, а шиитское большинство Бахрейна симпатизирует и тянется к Ирану. Ясно, что, осуществляя проект перекройки Ближнего Востока, надо любым путём задобрить мусульман, вплоть до примирения с талибами, потому что “они всё-таки не аль-Каида”. Примиренчество доходит до того, что вашингтонская администрация готова была поддержать строительство мечети в Нью-Йорке, в нескольких сотнях метров от того места, где стояли небоскребы, взорванные 11 сентября 2001 года. Возмущённые американцы саркастически предложили тогда воздвигнуть и для японцев пагоду на Гавайских островах в Пёрл-Харборе.

Однако эти показательные примирительные жесты не достигают цели. *Исламисты считаются только с силой и насмеваются над Америкой.* Радикальный британский имам А. Шудари, прибыв в США, сделал такое заявление: скоро ислам победит и в Америке, и первое, что надо будет сделать – это одеть на статую Свободы паранджу, потому что ислам строго запрещает идылы и статуи. После введения в Америке шариата, – обещал имам, – мы взорвем эту Статую Свободы и на её месте воздвигнем минарет “как великое напоминание всем о превосходстве Ислама над всеми прочими религиями и другими образами жизни”¹¹.

Эта наглая выходка потрясла американское общество, пелена спадает с глаз. А в России народ по-прежнему безмолвствует. Ни власти, ни общественность не замечают не менее наглые лозунги исламистов на Северном Кавказе, такие как: “русские, не уезжайте, нам нужны рабы”. И это не бравада вахабитов, а горькая правда. Кто в России опечалился или просто знает о трагедии терского казачества, самобытного народа, которым восхищался Л. Н. Толстой? Куда бежали 300 тысяч жителей терских станиц? Русских людей в них почти нет, оставшиеся старики живут на своей земле в вечном страхе. В Америке, напротив, выходки исламистов мобилизуют граждан. Уже 10 лет в этой стране предострашаются террористические акты. Отношение к исламистам быстро ухудшается. Конгрессмен Питер Кинг в феврале 2011 года предложил провести в Конгрессе слушания о причинах “радикализации мусульман в Америке”. Левые организации и исламисты Нью-Йорка заблокировали офис конгрессмена Кинга, организовали протесты против обсуждения этой темы. В ответ представители 25 неправительственных организаций США направили спикеру Конгресса письмо с объяснением, почему это обсуждение в Конгрессе срочно необходимо: во всём мире, в том числе и США, наблюдается быстрый рост радикальных, политически непримиримых исламистских ячеек. Среди подписантов и Сионистская организация, и Организация мусульман против шариата.

¹⁰ <http://hacari.org.YRCARI>.

¹¹ <http://www.hrcari.org> Human Rights Coolition Against Radical Islam, 1 March 2011.

Исламистские провокаторы оказывают неоценимую услугу таким исламофобам, как Герт Вильдерс. Прибыв в США, он был принят на высоком политическом уровне. И не только среди неоконгов, не только влиятельными еврейскими организациями. В Америке он выступил с проектом создания Международного Альянса Свободы, в который вошли бы все политические партии, которые разделяют взгляды и программу партии Свободы Г. Вильдерса относительно выселения мусульман. Пока, правда, выселяются с родных мест соотечественники Вильдерса – голландцы, по 120 тысяч в год. Многие переселяются в благополучную Северную Италию. Что им остается делать, если, например, Роттердам – крупнейший порт мира – стал преимущественно мусульманским городом. Они не чувствуют себя дома в своей Голландии! У голландцев, шведов, немцев нет “вековой уживчивости русских”. На это и рассчитывает Г. Вильдерс: сеть антиисламских партий он пытается разбрасывать прежде всего в странах северной Европы, в Германии, Америке, Канаде.

Быстрый рост националистических настроений наблюдается в последние 5–7 лет и в Англии. В этом бастионе либерализма, расчетливой терпимости и космополитизма уже давно господствует финансовый капитал. Крайне правые партии никогда не имели здесь заметного влияния. Открыто расистский Национальный Фронт Великобритании распался ещё в 80-е годы. Реформу правого движения начал его бывший член Джон Тиндаи. Он основал в 1982 году Британскую национальную партию (БНП). Однако его популизм был слишком робким. С 1999 года эту партию возглавляет энергичный Ник Гриффин (Nick Griffin), который вырастает в политика национального масштаба.

Гибкий политик, Ник Гриффин увёл БНП от открытого антисемитизма. Отрицание холокоста снято с повестки дня. БНП в 2010 году объявила, что главным врагом английской нации является ислам. Конституция Британской национальной партии, принятая в апреле 2010 года, гласит: “Мы обязались остановить и повернуть вспять иммиграцию, как и миграцию народов в наше Британское Отечество, то, что было допущено с 1948 года без какого-либо ясно выраженного согласия коренных британцев”¹². Когда Ника Гриффина спросили, почему он и его партия с крутого антисемитизма так быстро перестроилась на исламофобию, он объяснил это так: “Владельцы СМИ охотно принимают и развивают тему опасности ислама. Что толку атаковать могущественную группировку сионистов? Пресса всё равно поднесёт публике все наши доводы как атаку “на бедного маленького портного Маню Коэна, которого мы опять хотим затолкнуть в газовую камеру”... Для нас это тупик, более того – это распад. Это замкнуло бы нас в коробке”.

И действительно, в Англии среди образованных людей считается неприличным обсуждать тему антисемитизма. Еврейские общины как-то спокойно за многие десятилетия интегрировались в английское общество. Иное дело мусульмане и все прочие иноверцы и инородцы. Ник Гриффин называет их цветными, чёрными, оливковыми и подтверждает, что “программа БНП предполагает депортацию всех в их страны. И не только недавних иммигрантов, но все крупные азиатские и вест-индские сообщества”. Лидер Британской национальной партии обещает, что если его партия придет к власти, то 99% населения страны будут составлять белые – коренные англичане, ирландцы, шотландцы и прочие кельты. Помимо мусульман и чёрных он указывает ещё и на другого не менее опасного врага нации – на “доморощенных англосаксов и кельтов, ставших либералами и леваками”. Они для него враги, которые намеренно разрушают семью – основную ячейку любого общества. Они, – протестует Н. Гриффин, – довели старую добрую Англию до того, что в 2010 году 100 тысяч коренных британцев перешли в ислам, две трети из них женщины.

Тысячи коренных европейцев переходят в ислам по причине духовной опустошённости, в атмосфере, когда идёт целенаправленное искоренение даже остатков христианской символики. Например, снимают кресты в школах и больницах, во Франции ребёнка с крестиком просят его снять, постепенно закрывают христианские учебные заведения. Расстояния в наше время исчезают, а ислам и его активные проповедники рядом. Часто именно они готовы

¹² British National Party Constitution as of April 2010.

протянуть руку помощи обездоленным и одиноким. Раньше религия определялась рождением. Ныне – всё чаще её выбирают по достижении совершеннолетия. Христиане уже долго молча отступают в своих епархиях. Ислам ныне становится “ловцом человеков”, захватывает всё новые заброшенные души европейцев.

Избирателям приходится по душе откровения Ника Гриффина. И не только потому, что они устали от массовой иммиграции, но и потому, что он резко и часто по делу критикует Евросоюз, брюссельских бездельников-бюрократов и обещает вывести Великобританию из этой бесплодной организации. “Черчилль был бы членом БНП”, – доказывает он британцам, которые чтят память Уинстона Черчилля, одного из вождей коалиции, сокрушившей фашизм и его расовую идеологию. *Британская национальная партия являет наиболее четкие черты нарождающегося в Европе, пока ещё маскирующегося расизма.* Новый расизм не оперирует идеями и догмами классиков расиологии, таких, как граф А. Гоббино, Д. Чемберлен, В. Ляпуж или Ламброзо. Новый расизм уже не выглядит как патология. Теперь это “этноцентризм”. В нём не выставляется догма превосходства какой-либо расы, а упорно доказывается, что у разных народов и рас должен быть свой дом, что смешение рас из-за глобализации преждевременно, как и сама глобализация. Европа для европейцев. Азия – для азиатов. Так писал колониальный поэт и политик XIX века Р. Киплинг: “небо и земля прейдут, нежели сойдутся Восток и Запад!” А если сойдутся, то это и будет столкновением цивилизаций.

Расизм возвращается, он не умер, а затаился и ныне в новых одеяниях выходит на сцену истории¹³. Расизм, как и прочие виды ксенофобии, это процесс формирования в сознании обывателей символического образа чужака, разрушающего национальную идентичность. Он коренится в стремлении сохранить свою кровь, свою землю (Blut und Boden), не допустить смешения цивилизаций. Он проявляется в намерениях любыми средствами обеспечить свою защиту и безопасность нации.

В ответ бурно растёт “чёрный”, “жёлтый” мусульманский расизм в Азии и Африке, а также в среде мигрантов. Исчезают остатки прежнего почтения к людям Запада, уходит в прошлое вера в их превосходство. Окончился век триумфа технологий, век евроцентризма. Беда в том, что у Запада везде перевес сил, кроме духовной сферы! Капитализм вообще, а финансовый капитал особенно, убивают христианство, дегуманизируют общество, человек становится товаром в обществе рыночной демократии. Он теперь определяется не по имени, а по номеру, по банковскому счёту. Так он и зашифрован в недрах компьютера. Исламисты знают это, знают, что дехристианизация обрекает западную цивилизацию на духовное бесплодие и трагедию увядания. Они рассчитывают возглавить космополитический пролетариат планеты, предложить ему ислам как вершину веры и богопознания. *Запад с его сугубым индивидуализмом и эрзацем религии не способен объединять человечество. Остаётся только надеяться, что именно этот грозный вызов ислама воскрепит в Европе угасающее христианство.*

* * *

На волне исламофобии укрепляются националистические Датская народная партия, Швейцарская народная партия, партия прогресса Норвегии и многие другие. Однако на националистическом и популистском небосводе выделяются две звезды – “новый патриотизм” в Германии и Национальный Фронт (НФ) Ле Пена во Франции. Именно они выступают локомотивами общеевропейского национализма. Новый патриотизм в Германии пока ещё не оформился в какую-либо массовую националистическую партию, но почва для неё давно готова. Немцы отрешиваются от двенадцати лет фашизма, от Гитлера, осознают свою вину за великие жертвы войны. Политика денацификации держав-победительниц принесла свои плоды. Но в сознании немецкого народа остаются всем известные вещи слова Сталина: “Гитлеры приходят и уходят, а Германия, а народ немецкий остаётся”.

¹³ См. по этому поводу: Alberto Burgeo. Il ritorno del rascismo in Europa, М. 2006 и статью Shlomo Sand “From Judophobia to Islamophobia”. In: Jewish Quaterly 2010, p. 215.

Три поколения немцев обречённо размышляют о том, почему историю их страны мировые СМИ сводят только к гитлеровскому, нацистскому прошлому. Немецкая нация внесла весомый вклад в мировую культуру. Третий рейх Гитлера – тёмная страница в её истории, но ведь был и второй рейх. Взоры немцев всё чаще обращаются к Бисмарку.

Либеральная элита, более полувека господствующая в Германии, отчаянно боится возрождающегося патриотизма. Она, под влиянием Вашингтона, десятилетиями искореняла его. А в итоге получила нарастающий народный отпор. Немцы теряют уважение к либералам-атлантистам, многие рассматривают их как клеветников Вашингтона, где в коридорах власти засели неоконсерваторы – неконы. Они и вершат судьбу Германии и всего Евросоюза. Либеральные СМИ безуспешно убеждают уже третье поколение немцев: как можно любить Германию, вспомните Гитлера?! Как можно любить современную Федеральную Республику Германию, уже 65 лет оккупированную американцами? – отвечают им идеологи нового патриотизма.

Как и в других странах, две темы стали близки массам в Германии: во-первых, опасность исламизации и, во-вторых, выход Германии из Евросоюза. Настроение немцев такое: почему мы, дисциплинированные, трудолюбивые, честные люди, должны оплачивать долги греков, ирландцев, португальцев? Зачем ввели искусственную преждевременную валюту евро?! Немецкая марка была самой надёжной валютой мира. Ее отменили во вред немецкому народу бюрократы Евросоюза. Они наделали массу других глупостей, и поэтому Евросоюз распадается.

Бывший президент Федерации немецкой промышленности Г. О. Хенкель, спасая евро, выступил с планом введения двух зон евро: первую с твёрдым евро в Германии, Франции и в странах Северной Европы, и вторую зону менее устойчивого евро для стран Южной Европы. Следует, видимо, ожидать, что, когда настроения нового национализма в Германии оформятся в организованную целенаправленную силу, колесо истории ускорит бег во всей Европе. Во всяком случае, националистические настроения легко найдут отзвук в соседней Франции.

* * *

Франция стала той социальной лабораторией, в которой зародился, развивался и окреп массовый, то есть популистский национализм Европы. Колыбелью его стал Национальный Фронт, 40 лет неразрывно связанный с именем своего харизматического лидера Жана Мари Ле Пена. Бретонец, католик, десантник, участник нескольких колониальных войн 50-х – 60-х годов, Ле Пен стал самым популярным оратором и, пожалуй, одним из самых видных политиков Франции. Он и его многочисленные сподвижники осознали необходимость убедить французский народ в том, что Национальный фронт не экстремистская правая организация, оторванная от реальной политики, что таким его изображает продажная пресса, ультралиберальные СМИ, которые кормятся из рук заокеанского фининтерна. Лидерам Национального фронта удалось прорвать информационную блокаду и с 60-х годов активно участвовать в общественной жизни Франции.

Ле Пен первым начал борьбу против Европейского Союза – “врага всех европейских наций”. У него такие доводы: финансовый капитал использует возможности единого общеевропейского экономического пространства и запрограммировал бюрократов Евросоюза на ослабление и постепенное отмирание европейских наций и их главных защитников – национальных государств. Ле Пен был в авангарде тех сил, которые выдвинули лозунг борьбы за Европу наций. *В отличие от большинства новых националистических партий Национальный Фронт Франции стал массовой партией не на платформе исламофобии, а благодаря упорной борьбе против политики Евросоюза.* Ле Пен в своих выступлениях доказывал, что именно бюрократы Евросоюза ответственны за массовую мусульманскую иммиграцию. Они организовали её не только в погоне за дешёвой рабочей силой, но и как мощное орудие смешения наций, разрушения национальных государств, как эффективное средство ускоренного превращения наций в безликое население потребителей. Такая оценка Евросоюза стала тем ключом, который открыл Национальному

фронту Франции путь ко всем классам, ко всем социальным группам, к сердцам французов всех возрастов. Ле Пену удалось собрать под свои знамёна многие выдающиеся умы из среды патриотически настроенной интеллигенции Франции.

Идеологи Фронта, пройдя через гонения и ошибки, сумели создать довольно привлекательный бренд популизма, вобравший католицизм, традиционный и современный консерватизм и радикальный модерн. Органический, интегральный национализм этой партии возвращает умы французов к забытым в подполье и забытым идеям Ш. Марраса и Ш. Барреса (Ch. Maurras et Ch. Barres). Опираясь на классиков национализма, фронт пытается мобилизовать французов на борьбу против главного врага нации – против глобализации (по-французски *mondialisation*).

Обычно официальная политика успешной партии представляет собой компромисс между различными политическими группировками и течениями, вливающимися в эту партию. Взгляды и установки различных течений отражаются в зависимости от внутрипартийного баланса сил и от меняющейся политической обстановки в стране и мире. В течение 40 лет Национальный Фронт Ле Пена собирал и перемалывал десятки протестных движений и группировок. Центральное место в сложной идеологической платформе Национального фронта занимает интегральный французский национализм. Величие Франции, её истории и культуры немислимы, – считают идеологи НФ, – без традиционного католицизма. В НФ вливались, растворялись или отпочковывались антисемиты, неонацисты, неопоганисты, монархисты, вишисты, то есть сторонники осуждённого маршала Петэна, расисты, доказывавшие превосходство белой или даже только германской расы, разоблачители «иудеохристианской цивилизации», ревизионисты холокоста и многие другие.

Лидеры и ведущие теоретики НФ и среди них соратники Ле Пена – Алэн Сорель, Бруно Гольниш, Жан Одри, Бруно Гре, Бруно Мэгре¹⁴ настойчиво направляли все эти разноплановые экстремистские и экзотические идейные течения на укрепление националистического ядра идеологии НФ.

Опираясь на их аргументацию, НФ атакует основные устои французского общества. Лидеры НФ осмеливаются, например, ставить под сомнение «обожествление прав человека», доктрину, выдвинутую Великой Французской революцией. Они считают, что неумеренная пропаганда прав человека ведёт к забвению обязанностей, к крайнему индивидуализму, потребительству, гедонизму. Это «обожествление» открыло границы Европы для миллионов иммигрантов, которые, согласно канону, имеют право жить там, где они выберут, пользоваться социальными пособиями, которых они не заработали. Правительством обвиняет лепеновцев: вы расисты! Ле Пен и его теоретики отвечают: это вы – власть предрержащие, вы расисты, потому что сознательно уничтожаете французскую нацию и её государство.

НФ Ле Пена настаивает на принципе «Франция прежде всего для французов» (*preference national*). В 80-х годах Ле Пен требовал внести в конституцию следующее добавление: «Французская республика применяет принцип преимущества своих граждан в отношениях с иностранцами». Власти сочли это нарушением прав человека. Но во многих странах этот принцип негласно, без шума уже применяется. Отражая настроения значительной части французов, НФ объявил мусульманские пригороды опорой исламистского экспансионизма, который ведёт по всему миру «геокультурную и геополитическую войну Юга против Севера». С точки зрения некоторых теоретиков НФ вера в умеренный ислам – это самообман, позиция страуса. Ислам двуличен, – уверяют они, – он веротерпим, пока не окрепнет, но, набрав силу, он начинает притеснять иноверцев, становится агрессивен в отношении соседей. Отрицательное отношение к европейскому исламу даёт НФ на выборах всё большее число голосов. Ле Пен ещё в 1985 году заявлял, что сфера деятельности для внешней политики Франции начинается в пригородах Парижа, Лиона, Марселя. На президентских выборах 1993 года он предложил рассчитанную на семь лет программу принудительной репатриации миллионов мусульман. Сохранять национальную идентичность надо не на чужбине, а дома! Ле Пен предлагал иностранным правительствам, которые поддержат репатриацию, большую финансовую помощь. Программа предусматривала полный отказ от

¹⁴ Alain Sorel, Bruno Gollnish, Jean Hauary, Bruno Gret, Bruno Megret, etc.

иммиграции, запрет на воссоединение семей иммигрантов (воссоединяйтесь у себя, в своей стране!), немедленную высылку безработных иммигрантов, высылку за малейшее правонарушение, ограничения при натурализации, свёртывание программ социальной помощи, в том числе пособий, закрытие национальных школ.

НФ считает, что особенную опасность представляют проводимые по всей Европе реформы образования. Все они нацелены не на приобретение учащимися знаний, а на изменение их жизненных ценностей в пользу потребления. В итоге должен быть возведён единый “новый мировой образовательный порядок”. Ле Пен настаивает, что школа не должна воспитывать индивидуалистов, потому что подлинным фундаментом государства, главной ячейкой нации является не индивидуум, а семья. Программа НФ предусматривает запрет аборт, однополых браков, ограничение разводов.

В вопросах, касающихся нравственности, семьи и школы, ведущую роль играет весьма влиятельное католическое крыло Национального Фронта. Среди его требований – всемерное укрепление французской семьи. Такая семья должна воспитывать в детях ответственное отношение к жизни, иметь не только права, но и обязанности. Программа НФ предусматривает материальную помощь многодетным родителям. Обсуждается вопрос о предоставлении на выборах многодетным родителям дополнительных голосов, равных числу их детей. Среди прочих предложений – поддержка частных католических школ; в государственных школах – укрепление дисциплины, улучшение преподавания французского языка и защита его чистоты; увеличение количества часов для изучения литературы, истории и культуры Франции. НФ намерен переименовать улицы в духе культурного национализма. Это требование вытекает из того, что яркая французская культура вытесняется глобальной массовой культурой.

Бескомпромиссно требование НФ восстановить смертную казнь за такие тяжкие преступления, как распространение наркотиков, терроризм, убийство, рэкет. НФ настаивает на недопустимости географической концентрации иммигрантов, поскольку она питает не только становление параллельного французскому мусульманского общества, но плодит “этнические банды”. *Эти банды фактически подрывают суверенитет французского государства. Государство, которое не способно оградить своих граждан от “этнических банд”, не заслуживает доверия своих граждан.*

Процент всевозможных правонарушений среди иммигрантской молодежи действительно весьма высок.

Национальный Фронт предпринял особые меры “против своей демонизации” в СМИ. Те давно обвиняют Ле Пена в расизме. Во Франции это тяжкое обвинение, так как история Франции являет пример терпимости, гостеприимства и дружбы между народами. НФ отказался поэтому сотрудничать с Британской Национальной партией Ника Гриффина, которая имеет стойкую репутацию расистской. Однако некоторые выступления лидеров НФ и его документы дают основания подозревать, что ещё крепки позиции расистских теоретиков. Дело не в том, что многие в НФ выступают против смешанных браков, против метисизации, а в том, что очень многие его члены склонны рассматривать евгенику как способ улучшения генетического потенциала нации. В Манифесте НФ от 1993 года, например, говорится: “Мы привержены защищать нашу национальную идентичность, нашу страну; мы защитники нашего наследия в самом широком его понимании – биологического (подчёркнуто мною. – **Б. К.**) культурного, природного”¹⁵. Сохранение “биологического наследия” не сводится к умерщвлению неисправимых рецидивистов. Оно должно стать средством сохранения здорового генетического фонда нации и выведения биологически наследственной аристократии.

* * *

Что касается капитализма, то его критикуют и коммунисты, и социалисты, и католики, и неонапартисты, и неофашисты. Но у Национального фронта критика капитализма аргументирована как необходимость покончить

¹⁵ Bonnafé and Tort, 1992.

с англосаксонской моделью господства финансового капитала, с олигархией. Со всевластием банков нельзя более мириться, число их должно быть значительно сокращено, а оставшиеся поставлены под контроль государства и общества. Свобода торговли не должна вести к установлению в мире “торгового строя”.

В программе НФ защита сельского хозяйства, поддержка французского фермерства, постепенно, целенаправленно уничтожаемого с помощью Всемирной торговой организации. Французское крестьянство считается основой нации, первоисточником и хранителем национальной идентичности. НФ обещает рабочему классу достойное место в обществе, которого рабочие и служащие никогда не получают при “американизированном бездушном спекулятивном капитализме”. В нём рабочие и служащие выступают не более чем винтики гигантских транснациональных корпораций. НФ протестует против культа денег, против того, что в рыночном обществе прибыль, норма прибыли являются критерием добра и зла. Он критикует и социализм, который вводит уравниловку, тотальное огосударствление средств производства, директивное планирование. Теоретики Национального Фронта претендуют на то, что они готовы предложить французам свой “третий путь”, отличный и от капитализма, и от социализма. Они называют этот путь “корпоративизмом”. Корпоративизм НФ отрицает классовую борьбу и строится на взаимовыгодном сотрудничестве труда и капитала. Интегральный национализм означает единение и братство людей одной нации.

В программе политического устройства НФ встречаем основательную критику парламентаризма, выборов, в которых судьбоносные вопросы нации решают плохо информированные и обманутые избиратели. Как и другие европейские националистические партии, НФ противопоставляет таким выборам народные референдумы по конкретным вопросам, например, строить или не строить минареты в Швейцарии, разрешать или запретить аборты, отменить или снизить налоги и т. д. Референдумы должны практиковаться и на местах – в департаментах и коммунах. Оставаясь приверженцами республиканского строя, некоторые идеологи не исключают в будущем возвращение Франции к “просвещенной монархии”. Монарх должен управлять, опираясь на учёных. Особо непримиримую позицию НФ занимает в отношении коррупции: она должна искореняться огнём и мечом. Среди постоянных требований – сокращение чиновничества, особенно юристов, адвокатов, журналистов, справедливое распределение телевизионного времени между партиями и общественными организациями.

После развала СССР НФ увидел в изменении общественного строя в России новые возможности для создания Европы наций, согласно деголлевскому завету “Европы до Урала”. Отказ от Евросоюза означал бы выход из НАТО. НАТО, как и ВТО, не нужны Европе, – заявляли ещё в 90-е годы идеологи НФ. Европе нужна своя европейская армия и двусторонние отношения между государствами. НФ последовательно выступал против американских авантюр в Ираке в 1991-м и в 2003 годах, в Афганистане и ныне в Ливии.

Как видим, Национальный Фронт уже несколько десятилетий действует согласно основательно аргументированной, всесторонней и гибкой программе. В лице его лидера Ле Пена правящие партии и власти Франции имеют серьёзного противника. Число избирателей, поддерживающих НФ, постоянно растёт – с 5% в 70-е годы до 15–18%. Всё большее число мэров и депутатов местных органов власти становятся членами НФ. На президентских выборах 2002 года Ле Пен набрал больше голосов, чем кандидат от правящей социалистической партии. Победил Жак Ширак, политика которого тогда ещё воспринималась французами как голлистская, верная заветам Шарля де Голля.

Национальный Фронт успешно выступал и на региональных выборах Франции в 2010 году, собрав 15% голосов. После этого стало ясно, что, несмотря на обилие проблем, порождённых финансовым кризисом, на первый план в ходе подготовки к президентским выборам 2012 года выйдут темы иммиграции и европейского ислама. Правительство оказывается по этим вопросам под огнём и правых, и левых. Оно вынуждено скрывать насилия этнических банд, статистику относительно иммигрантов. Действительно, мало кто во Франции даст вам ответ, сколько в стране иностранцев, сколько среди них мусульман. Иногда вам скажут, что каждый 20-й уже рождён не во Франции, или назовут цифру от 3 до 8 млн иммигрантов. Но вот в газетах Национально-

го Фронта появляются сообщения, что “патриоты-чиновники” передали Ле Пену засекреченные статистические данные: в 2010 году число только легальных иммигрантов во Франции увеличилось на 198604 человека, из них 118 тысяч натурализовались и 81 тысяча добавилась за счёт воссоединения семей. Реакция миллионов французов отражена в таком типичном письме: “Я не сторонник Национального Фронта, но если во Франции нет другой силы, другой партии, которая бы серьезно занялась исламом и иммиграцией, которая подрывает и разрушает Европу и Францию, я буду голосовать за Ле Пена”. Однако всё большее число французов задают вопрос, что у нас за демократия, если Национальный Фронт, за который голосует 15–20% избирателей, ни разу за 40 лет не был представлен в парламенте – в Национальной Ассамблее?!

* * *

Стареющий лидер НФ Ле Пен успел подготовить преемника. Его младшая 42-летняя дочь Марин Ле Пен уже многие годы выступает как опытный самостоятельный политик, в некоторых вопросах не согласный с отцом. В 2005 году она пригрозила выйти из НФ, если отец будет настаивать и утверждать, что гитлеровская оккупация не была чрезмерно жестокой, или что холокост был лишь эпизодом общей трагедии.

Однако еврейская диаспора остаётся настороженной и не спешит снимать с Национального Фронта “клеймо Каина”. Марин Ле Пен, видимо, и не рассчитывает на поддержку этой диаспоры. Она не поехала в Израиль в группе 35-ти представителей правых европейских партий, торжественно принятых в кнессете. Критикуя Израиль за постройку новых поселений, она заявила, что “НФ всегда был сионистским, так как постоянно защищал право Израиля на существование”. “Но, – добавила она, – я хочу ясно и недвусмысленно заявить, что мы имеем право критиковать государство Израиль, как и любое другое суверенное государство, и не должны за это считаться антисемитами”¹⁶. НФ выступает за создание палестинского государства. Эта позиция НФ в новой обстановке, складывающейся в Европе, встречает поддержку избирателей и даёт НФ много голосов.

Когда в январе 2011 года в Туре собрался национальный конгресс НФ, Ле Пен, уходя в отставку, рекомендовал дочь потому, что “она шагает в ногу со временем”. Конгресс двумя третями голосов избрал Марин Ле Пен президентом Национального фронта Франции. В своей речи она заявила, что пришло время объединять всех патриотов – и левых, и центристов, и правых, что нужно идти курсом массовой народной партии. *Она особо подчеркнула задачу укрепления национального государства, которое является важнейшей частью души Франции*. Все прочие партии, – заявила она, – являются не патриотическими, а глобалистскими и не способны противостоять двум грозным силам, которые могут взорвать Францию. Она назвала эти две силы: европейская интеграция и массовая иммиграция. В интервью 18 февраля 2011 года она заявила: “Я согласилась стать президентом Фронта для того, чтобы стать президентом Франции. Мы должны взять власть и защитить французов... Франции реально грозит распад... Франция никогда не станет халифатом или исламским государством”. Популярность Марин Ле Пен даже выше, чем у отца: в марте 2011 года, спустя всего два месяца после занятия поста президента НФ, она при широких опросах собрала среди десяти политиков 23% голосов, больше, чем любой иной возможный кандидат на будущих президентских выборах. Больше, чем действующий президент Франции Никола Саркози и другая весьма популярная в народе женщина – глава Социалистической партии Мартин Обри.

К началу июля 2011 года опросы показали небольшое снижение её рейтинга. Марин Ле Пен в телепередаче элегантно объяснила французам, что это произошло в результате того, что она “была пару месяцев на медиатической диете”. Вице-президент НФ Луи Алио в июне сообщил, что за Марин Ле Пен, ставшей официальным кандидатом в президенты Франции, готовы голосовать в регионах от 18% до 22%. Особенно заметны её успехи среди рабочих и служащих, 40% и 30% которых соответственно собираются отдать ей голоса.

¹⁶ Occidental Observer, by Kevin Mac Donald, 11.01.2011.

В интервью прессе 25 февраля на сельскохозяйственной выставке Марин Ле Пен напрямую связала возведение Евросоюза и увеличение мусульманской иммиграции. В этом интервью она обвинила “правительства глобалистов” в том, что они “целенаправленно ускоряют иммиграцию, которая превратилась в какой-то сумасшедший процесс. Возникает вопрос, не является ли целью Евросоюза просто-напросто полностью вытеснить французов?” В интервью 1 мая она высказалась ещё более определённо: “Евросоюз осуществляет программу полного вытеснения французского народа”. Она пообещала, что если НФ придёт к власти, то число иммигрантов сократится в 20 раз. И пригрозила, что намерена сажать в тюрьму предпринимателей, которые в погоне за дешёвой рабочей силой будут нанимать нелегальных иммигрантов. Она также предупредила французов, что революции в арабских странах поднимут новую гигантскую волну, которая прибьёт к берегам Европы новые сотни тысяч и даже миллионы мусульман. Осудив интервенции Франции в Ливию и в других африканских странах, Марин Ле Пен предложила направить военные корабли для возвращения беженцев в Тунис, в Египет и в Ливию. В этой связи она положительно оценила роль России в ливийском конфликте: “... русские поступили мудро”. Неясно, правда, кого она имела в виду: позицию В. В. Путина или двусмысленную и невнятную политику Кремля.

Примечательна и позиция НФ и ее председателя в отношении экономического и финансового кризиса и роли Евросоюза. Марин Ле Пен настойчиво повторяет, что Францией и всей Европой управляет международная олигархия, что Евросоюз её орудие, с помощью которого она ограничивает суверенитет национальных государств: “Я считаю его тоталитарной организацией... он рассылает всем нам директивы, разрушает нашу экономику, подрывает наши бюджетные планы, наши валютные планы, вводит у нас модель, чуждую нашим жизненным устоям”, — заявила она в интервью телеканалу Евроньюс 18 февраля. На вопрос: Вы, придя к власти, вышли бы из Евросоюза? — Марин Ле Пен, не колеблясь, заявила: “Я полагаю, что Евросоюз уже мёртв, что он не более чем свет погасшей звезды”. Эту оценку в Европе поддерживают многие миллионы. Так что закат Евросоюза может стать второй после распада СССР геополитической катастрофой. К этому надо быть готовым.

В двухчасовых теледебатах 23 июня Марин Ле Пен вновь одержала победу, о которой газета “Эко” писала так: “В Национальном Фронте потирают руки. Вчера М. Ле Пен подвела катастрофические итоги [правления] Николя Саркози в таких сферах, как падение безопасности, иммиграция, кризис Евросоюза и его последствия для евро. Она обосновала концепцию “государства-стратега”, объяснила, почему нужно выйти из зоны евро, раскритиковала ультралиберализм, глобализацию и двойное гражданство”¹⁷. Она заявила также, что НФ, придя к власти, введёт систему экономического протекционизма и восстановит французские вооружённые силы. Когда ей отвечают, что за протекционизм ныне выступает и правящая партия и даже социалисты-глобалисты, она парирует, отмечая, что президент Николя Саркози систематически заимствует из программы НФ всё новые и новые положения, но ни одно из них не реализовал.

Во Франции после этого выступления началась оживлённая дискуссия о выходе из зоны евро. Президент лично счел нужным выступить с объяснением, что евро — это фундамент Евросоюза, что Марин Ле Пен занимается демагогией, так как возвращение Франции к национальной валюте франку приведёт к его девальвации, а долг страны в 1500 миллиардов евро останется в евро и увеличится из-за девальвации в два-три раза. Марин Ле Пен поправила президента, назвав большую сумму долга — в 1650 миллиардов евро. То, как она аргументирует необходимость выхода Франции из зоны евро, даёт основание считать, что эту сложную меру обосновывали крупные специалисты, работающие над программой НФ. Марин Ле Пен, отвечая президенту, согласилась, что выход из евро приведёт к временному увеличению долга страны, но не в два-три раза, а на 12%. Девальвация увеличит доходы от французского экспорта, рост доходов оживит экономику, снизит безработицу, и Франция к 2025 году рассчитается с долгами. “Президент пугает простачков”, — заключила она.

В долгосрочных геополитических планах Национального Фронта особое внимание уделяется нашей стране. В интервью 1 мая *Марин Ле Пен заявила,*

¹⁷ L’Echos, 24 Juin 2011.

что Россия является “самым важным нашим союзником”, что “мы должны рассматривать Россию как европейскую цивилизацию, иметь с нею теснейшее экономическое и энергетическое сотрудничество... Мы и в истории были друзьями”. В этом же выступлении она сказала, что США совершают ошибку, продолжая холодную войну против новой России.

Считая Россию “важнейшим союзником”, лидеры НФ, видимо, рассчитывают на серьезные изменения, грядущие в России. Они осведомлены, что и в России господствует та же глобалистская олигархия, что правящая элита России ещё более зависима от “внешнего управления”, что она даже в большей мере, чем французская элита, антинациональна. В геополитических расчетах теоретиков НФ Россия видится в свете деголлевских идей о “вечной России” (*Russie eternel*) и о “Европе до Урала”. Прожив среди французов более трёх десятков лет, могу засвидетельствовать их живейший интерес к России и постоянную симпатию к ней. В памяти французов не только союз в двух мировых войнах, но и многовековое культурное сотрудничество. И эти симпатии и интерес взаимны. Это надо ценить и развивать.

В этой работе автор попытался беспристрастно разобраться лишь в некоторых проблемах Европы. Насколько обоснована перспектива распада Евросоюза? Верно ли, что ЕС уже мёртв, что это “свет погасшей звезды”? И вот к какому выводу пришёл. Ни мультикультурализма, ни плодотворного синтеза цивилизаций в Евросоюзе не получилось. Зреет взрыв. В начале XX века казалось, что религии навсегда уходят со сцены истории. Но нет! Они возвращаются! Ислам осваивает постхристианскую Европу. Исламисты знают, что дехристианизация Европы делает Евросоюз беззащитным, духовно опустошённым. Идеи “рыночной демократии”, глобализации, атлантического партнёрства не помогут европейцам сохранить свою цивилизацию, европейцу — свою личность. Однако вызов ислама европейской цивилизации уже встречает ответ. Отпор дают не правящие либералы-атеисты, но набирающие силу националисты. Велика, конечно, опасность, что среди них проснётся дремлющий расизм. Мысль о расовом превосходстве так привлекательна для озлобленных безрелигиозных душ. Расизм крайне заразен! К счастью, самые массовые националистические партии возвращаются к религии предков. Воистину, вызов ислама может воскресить угасающую энергию христианства.

Париж